

63.3 (2P-47)

КС2

ЭККЕХАРД КЛЮГ

КНЯЖЕСТВО ТВЕРСКОЕ

(1247 · 1485 гг.)

СЕРИЯ АНТЭК

и были выдвинуты тяжелые обвинения. В конце концов хан, исходя из государственных соображений, должен был отдать приказ о казни Дмитрия.¹³⁸ Александр Михайлович, преемник Дмитрия на великокняжеском и тверском столах, годом ранее сопровождал татарского сборщика даней в Суздальскую землю;¹³⁹ проявленное им при этих обстоятельствах повиновение татарам делало Александра в глазах хана приемлемым кандидатом на роль великого князя.

Во всяком случае, в 1326 г. Александр сохранил для Твери шанс добиться господствующего положения на Руси. Вскоре после вокняжения Александра во Владимире его признали своим князем и новгородцы.¹⁴⁰ Тем самым Александр добился той же концентрации власти в своих руках, что и его отец. Но этому успеху суждено было продлиться всего лишь год.

3. РЕШАЮЩИЙ 1327 ГОД

Тверское восстание против Чолхана. В конце лета 1327 г. из Орды в Тверь прибыл посол Чолхан. Во время правления Узбека ханские посланцы появлялись на Руси, как правило, по поводу восшествия на стол нового великого князя. При выколачивании дани эти представители хана вели себя крайне жестоко. Само по себе появление Чолхана в Твери не дает основания для вывода об антитверском повороте в политике татар.

Источники о событиях 1327 г. стали объектом ряда исследований. В конце концов анализ Дж. Феннелла показал, что в сохранившихся сводах представлены две версии произошедшего: тверская и новгородская.¹⁴¹ Последнюю переняли и московские летописцы.¹⁴²

Основное различие между двумя этими версиями заключается в следующем: тверской летописец показывает, как к народному восстанию привели насилия, творимые Чолханом и его людьми; в новгородской же или в московской версии зачинщиком восстания представлен великий князь Александр.

Как демонстрирует Дж. Феннелл, в тверском изображении событий за литературно оформленным введением следует в высшей степени живое свидетельство очевидца. Его автор начинает свой рассказ с замечания о том, что после своего прибытия в Тверь Чолхан выгнал Александра Михайловича из княжьего дворца и сам поселился в нем:

«...и прииде на Тферь (Чолхан) и прогна князя великаго съ двора его, а самъ ста на князя великаго дворе с многою грѣдостию и яростию и въздвиже гонение велико на христианы несилствомъ и граблениемъ и битиемъ и поруганиемъ. Народы же гражданстии, повсегда оскорбляеми отъ поганныхъ, жаловахуся многожды великому князю, дабы ихъ оборонилъ. Онъ же, видя озлобление людии своихъ и не могы ихъ оборонити, тръпети им веляши. И сего не тръпяще Тферичи искаху подобна времени.»

И такое время вскоре пришло: на Успение Богоматери, 15 августа, в Твери был рыночный день; в город пришли и крестьяне из округи.¹⁴³ Тверской летописецъ рассказывает:

«И бысть въ день 15 августа месяца, в полонутра как торг снимается, некто диаконъ Тферитинъ, прозвище ему Дудко, поведе кобылицу младу и зело тучну, напоити ю на Волзе воды. Татарове же видевшие отьяша ю, диаконъ же съжаливъси зело, начать въпити, глаголя: о мужи тферстии, не выдавайте.»¹⁴⁴

Это стало поводом к схватке. Зазвонили колокола, отовсюду сбежались люди и накинулись на грабителей. Все татары до одного, кроме тех, что пасли неподалеку от города лошадей, были перебиты. Оставшиеся в живых бежали в Москву, а оттуда в Орду, чтобы сообщить о произошедшем.

Живое описание грабежа, побудившего наконецъ тверичей к выступлению против татар, весьма убедительно. Вряд ли восстание планомерно готовилось загодя — лихорадочная неразбериха, следовавшая за кличем Дудко, свидетельствует о спонтанном характере выступления. Не исключено, впрочем, что к этому времени многие тверичи уже твердо решили не сносить более издевательств.

Великий князь Александр явно не побуждал свой народ к восстанию, более того, он даже призывал к терпению. Он знал силу Орды, и ему было известно, что московский князь только и ждал повода, который теперь представился из-за тверского восстания против татар. Наверняка помнил Александр и о судьбе своих отца и брата.

Сдержанность Александра, таким образом, вполне понятна. Однако, когда борьба уже началась, князь ни в коем случае не мог позволить себе остаться в стороне от нее. Более того, именно в силу своей прежней бездеятельности ему приходилось доказывать теперь, что он достоин княжеского титула. Кроме этого, в случае победы люди Чолхана вряд ли пощадили бы и Александра. Если интерпретировать ход восстания подобным образом, то между тверской версией событий и не приукрашенной позднейшими переработками версией новгородской не обнаруживается никакого противоречия.¹⁴⁵

По сведениям новгородского летописца, Александр отдал приказ убивать татар, а заодно с ними татарских и волжско-булгарских купцов в Твери и других городах.¹⁴⁶

Чолхан, с которым в Твери был большой отряд, целый день сражался против тверичей. К вечеру, когда Александр начал одолевать, посол отступил в княжий двор и укрепился там. В конце концов Александр приказал поджечь двор, и Чолхан вместе со своими людьми нашел смерть в огне.¹⁴⁷

Еще один, до сих пор не принимавшийся во внимание источник подтверждает, что Александр не остался в стороне от борьбы после начала сражения: это генеалогия Нащокиных, принадлежавших позднее в Московском царстве к наиболее знатным семействам. Согласно генеалогическим заметкам, их предок прибыл к Александру в Тверь от немцев. У него был сын Дмитрий, позднее перешедший на московскую службу. Свое прозвище, превратившееся позднее в фамилию Нащокиных, этот Дмитрий получил во время сражения с Чолханом:

«Шолкан же утече от них (тверичей) во Твери же на двор великого князя и заперся в сенех своих с своими людьми, тверичи же приступая к сенем и не може его взяти и сожгли сени, и Шелкан с людьми своими был тут, сгорел в сенех, и Дмитрия Нашоку тут у сеней ранили по щеке, на великого князя дворе.»¹⁴⁸

Участие человека из окружения тверского князя в восстании против Чолхана подтверждает свидетельство новгородского летописца об активном участии Александра в восстании.

К интерпретации сообщений о Чолхане. Драматические происшествия часто привлекают к себе особое внимание. Это относится и к событиям, связанным с татарским послом Чолханом, заинтересовавшим многих историков. Так, советский исследователь Н. Н. Воронин включает тверское восстание 1327 г. в преемственный ряд резко отрицательных реакций тверичей на татарское угнетение, так что Тверь выступает у него в качестве главного центра сопротивления «монгольскому игу».¹⁴⁹ Первым доказательством этого тезиса по Н. Н. Воронину применительно к концу XIII—началу XIV вв. являются оборонительные мероприятия Твери против Дюденевой рати (1293 г.). Обстоятельно рассмотренное выше летописное сообщение об этих событиях свидетельствует скорее не о решительной оппозиции татарам, а о силе отчаяния, подчас вызываемой к жизни превосходством агрессора в силе военной.¹⁵⁰ Второй аргумент Н. Н. Воронина касается антитатарских черт «свода 1305 г.» Однако предположение о тверском характере этого свода, положенное Н. Н. Ворониным в основу своей аргументации, было уже убедительно опровергнуто в источ-